

Русская литература Сибири: сюжеты, мотивы, судьбы

УДК 821
DOI 10.25205/2410-7883-2018-2-25-35

Е. Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

ПОЭТИКА ЮРИЯ СОПОВА (ЛИРИКА И «СКАЗКА ПРОШЕДШЕГО ЛЕТА»)*

Статья посвящена творчеству Юрия Сопова (Петра Ивановича Сопова) – омского поэта, прожившего чрезвычайно короткую жизнь (1897–1919) и погибшего во время взрыва во дворе дома А. В. Колчака. Жизнь поэта оборвалась трагически, так и не открыв читателю по-настоящему его дарования. Сопов написал ряд стихотворений, поэтическую «Сказку прошлого лета», остались, кроме того, незавершенные фрагменты его поэмы об Артюре Рембо. Историки, критики и исследователи творчества Сопова выдвигают разные версии – и о его близости к белогвардейскому движению, и к возможному интересу с его стороны к позициям эсеров, и о «красной» направленности идеалов поэта, однако трудно доказать и первое, и второе, и третье, поскольку Сопов, очевидно, мало интересовался происходящими событиями. И даже если в текстах поэта проскальзывают злободневные нотки, в них нет прямолинейности и отчетливости выбора: Сопов переживает, тревожится, колеблется. С другой стороны, основным мнением современников является то, что поэт был аполитичен, и в его творчестве слышны отголоски русского модернизма вне каких-либо общественных мнений и идей.

В работе отмечается литературная ориентация Сопова на произведения символистов и акмеистов (К. Бальмонта, А. Блока, М. Кузмина, раннего Н. Гумилева), анализируются традиционные неоромантические образы и мотивы, которыми наполнены его стихи и поэма «Сказка прошлого лета». Пространство «Сказки прошлого лета» близко новеллистически-повествовательному миру М. Кузмина, когда каждая часть поэмы является отдельным завершенным стихотворением со своим лирическим сюжетом. Отзвуки символистов и акмеистов в творчестве Сопова говорят о классической направленности его лирики, не однозначно оригинальной, но вместе с тем вписанной в культурную парадигму Серебряного века.

Творчество Юрия Сопова, безусловно, испытывавшего модернистское влияние, могло бы развиваться в настоящее дарование, если бы нелепая ранняя смерть не постигла поэта. Поэтический фон русского модернизма и авангарда, складывающийся из лирики таких сибирских поэтов, как Георгий Маслов, Юрий Сопов, Вивиан Итин, Владимир Пруссак и др., позволяет увидеть картину искусства первой половины XX века шире и глубже. Изучение лирики малоизвестных авторов, открытие новых имен – одна из важных задач нынешнего литературоведения. Судьбы забытых (многих – запрещенных в советское время) поэтов

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, kulis@mail.ru)

предстают сейчас по-новому трагичными и в то же время вдохновляют на дальнейшие поиски и исследования.

Ключевые слова: сибирская поэзия, романтизм, символизм, русский модернизм.

Юрий Сопов (Петр Иванович Сопов) – омский поэт, проживший короткую (нельзя сказать, что очень яркую) жизнь. Он, безусловно, обладал дарованием, которое могло бы излиться сильно и глубоко.

Поэт родился в Омске 19 января 1897 года. В. П. Трушкин называет годом его рождения 1895-й [Трушкин, 1976, с. 55], но, согласно сведениям А. А. Штырбула, племянник поэта В. Г. Сопов настаивает на 1897-м [Штырбул, 2015, с. 16]¹. Отец Юрия Сопова был телеграфистом Сибирского казачьего войска, мать вела родословную от князей Бестужевых-Рюминых. Будущий поэт учился в землемерном училище, потом работал в омской городской библиотеке. Много печатался в местных газетах – как в первые дни советской власти, так и в правление генерала Колчака. Посещал так называемый литературный клуб Омска на квартире А. С. Сорокина. В 1917 году издал тиражом 50 экземпляров поэму «Сказка прошлого лета».

После окончания ускоренных курсов школы прапорщиков Юрий Сопов попал к Колчаку в личный конвой. Кондратий Урманов в своих воспоминаниях писал: «Приходил к Сорокину молодой солдат Юрий Сопов. Его стихи печатались во многих газетах... Одет он был по-солдатски: френч защитного цвета, на ногах башмаки с обмотками – подарок английского правительства солдатам Колчака. Голос у него был тихий и мягкий. Юра служил в команде, охранявшей дом Колчака. Эта служба избавляла его от фронта» [Урманов, 1965, с. 165].

Историки, критики и исследователи творчества Сопова выдвигают разные версии – и о его близости к белогвардейскому движению, и о его возможном интересе к позициям эсеров, и о «красной» направленности идеалов поэта, однако трудно доказать и первое, и второе, и третье, поскольку Сопов-поэт, очевидно, мало интересовался происходящими событиями. Во всяком случае в его стихах трудно найти приверженность какой-либо партии. И даже если в текстах поэта проскальзывают злободневные нотки, в них нет прямолинейности и отчетливости выбора: Сопов переживает, тревожится, колеблется.

Какому Богу молиться?
По какому пути идти?..
То, что в России творится, –
Где еще можно найти?
Факел знания потушен.
Храм свободы разрушен.
Распята правда снова.
Все святое забыто.
Стала мифом свобода.
Топчут в пыли копыта
Волю всего народа.
Ужаса черная птица
В жилах кровь леденит...

¹ В статье Л. В. Лапиной «Всего десять месяцев... (Дополнительные сведения к биографии П. И. Сопова)» представлены архивные документы, в частности справка, где указано, что П. И. Сопов родился «в 1897 г. 6-го января» [Лапина, 2015, с. 194].

Какому Богу молиться,
По какому пути идти?
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 248])² –

написано в январе 1918 года. Впечатление отрывистой речи возникает потому, что почти в половине случаев (в семи из 15 стихов) границы стихов совпадают с границами простых синтаксических предложений; два первых стиха риторически-вопросительны, а следующие подряд друг за другом стихи 5–9 свидетельствуют о волнении, о прерывистом поэтическом дыхании. Создается ощущение, что Сопов задыхается, выражая одновременно печаль и страх перед историческим поворотом в судьбе России.

В стихотворении же 1917 года отчаяние и неуверенность, ощущение гибельности и одиночества, кажется, полностью овладевают поэтом, не случайно именно эти стихи чаще всего приводятся как знак его принадлежности к стану белогвардейцев:

Сломлены крылья орлиные
В яростном диком бою...
Грудь прокололи мою...
Песню свою лебединую
Я, умирая, пою...
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 246]).

С другой стороны, в восприятии многих современников поэт был аполитичен, и в его творчестве слышны отголоски символизма и акмеизма – вне каких-либо общественных мнений и идей. Однако гибель поэта оказалась связанной с его служением Колчаку. В. Зазубрин писал: «Ю. Сопов погиб во время взрыва во дворе дома Колчака. Поэт стоял часовым у дворца сибирского диктатора. Гибель Ю. Сопова своего рода символ. Горе, связавшим судьбу свою с судьбой уходящего, отживающего класса!» [Зазубрин, 1927, с. 12]. Трактовка Зазубрина – исключительно с «красной» стороны – звучит как обвинение колчаковскому режиму.

Есть версии о том, что взрыв как раз был направлен против самого Колчака, и о том, что это могло быть трагической случайностью. В книге мемуарной прозы «Стоглав» Л. Мартынов вспоминал, что незадолго до своей смерти Всеволод Иванов ему сказал: «Знали Вы Юрия Сопова? Жаль, что не знали лично! А то вот у меня есть сведения, что он проник в личную охрану Колчака, чтобы готовить на него покушение, но сам и подорвался на гранате! То есть он был наш!» [Мартынов, 2008, с. 406]. В то же время Мартынов отметил, что «Юрия Сопова считали отъявленным колчаковцем» [Там же, с. 514]. Прочитав отрывки из поэмы Сопова «Артур Рембо», Мартынов решил, что «так мог написать о Рембо... только обезумевший колчаковец, предсказывающий лишь свою смерть от собственной бомбы!» [Там же, с. 517].

В. И. Шишкин собрал материал о событиях, связанных с трагедией: «Капитан А. К. Петров показал производившему дознание следователю следующее: “Часов в 8 с минутами раздался оглушительный взрыв, и дом моментально заполнился дымом. Возле меня разбило стекло. Я заподозрил, что подбросили бомбу, выбежал сначала в переднюю, а затем во двор. Там я увидел огромное облако пыли

² А. А. Штырбул издал свою монографию «Дожить до сентября» о судьбе Юрия Сопова и в заключение представил его стихотворения, опубликованные при жизни поэта и в первые месяцы после его гибели, в том числе незавершенные отрывки и наброски и фрагменты из поэмы «Артур Рембо». См.: [Штырбул, 2015, с. 240–282].

и дыма и едва видные обломки караульного помещения, откуда неслись стоны и крики"... В результате взрыва пострадало почти два десятка человек, находившихся в караульном помещении или вблизи него, в том числе погибло шесть человек из роты конвоя Верховного правителя, а еще 12–14 конвойных были ранены и контужены. В числе погибших оказался служивший в охране А. В. Колчака 24-летний талантливый поэт Ю. И. Сопов» [Шишкин, 2013, с. 170].

Жизнь поэта оборвалась трагически, так и не открыв читателю по-настоящему его дарования. Стихи Сопова написаны в духе символизма и начала акмеизма, в них слышатся отголоски Бальмонта и Блока, Кузмина и раннего Гумилева. Поэт меняет маски, надевая то одну, то другую. Его лирическое «я» играет лицами и обликами, но достаточно однообразно: в их смене, под масками трудно порой увидеть самого автора, его лицо. Традиционные неоромантические образы переполняют его стихи: «Я – мечтатель», «фантазер», живущий «в полусне»; «золотистый рыцарь»; «Дон Кихот»; «умирающий белый лебедь»; я «печальный и грустный», «заблудившийся, усталый»; «я неопытен», «одинок и грустен», «я – пчела золотая, влюбленная», «птица перелетная», она – «царевна», «Коломбина», «госпожа», «королева Люлю», «фея», «русалка» «белокурая женщина», «принцесса лунная», «Дульцинея Тобозская», «соты» – ее «калый рот».

В стихах Сопова звучат лермонтовские интонации, обогащенные символистскими и акмеистическими поэтическими приемами. «Осень» отзывается знаменитым переводом Лермонтова «Ночной песни странника» Гёте и фетовскими трехстопными хорями «Чудная картина...» и «Облаком волнистым...». Все тексты состоят из восьми строк, ведущие их темы – природа и смерть, как отметил М. Л. Гаспаров, характеризуя семантический ореол трехстопного хорей в начале XX века, ореол, заданный Гёте и Лермонтовым. Исследователь выделяет целый ряд смысловых групп, которые создает данный размер, и отмечает его большую популярность в эпоху модернизма – «история 3-ст. хорей в русской поэзии» [Гаспаров, 1993, с. 222] вслед за переложением Лермонтова была поддержана и классиками символизма и авангарда, и его эпигонами (3-ст. хорей использовали А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, И. Коневской, Д. Бурлюк, С. Есенин, Н. Клюев, М. Лохвицкая, С. Дрожжин и мн.др.)³.

Ю. Сопов тоже не удержался от гипнотического влияния лермонтовских строк, создав свой вариант на тему одиночества, тоски, печальной природы и ожидания смерти:

Вянут, сохнут розы...
Падают листья...
Улетели грезы...
Умерли мечты...
Уж близки морозы...
Блекнет все вокруг...
Горло дают слезы...
Тяжело, мой друг!
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 242–243]).

Последний стих отсылает уже к Фету («Друг мой, друг далекий, / Вспомни обо мне!» [Фет, 1986, с. 236]), одиночество, впрочем, остается ничем не нарушенным, но образ некоего адресата немного смягчает трагичность текста, оставляя, тем не менее, общее ощущение подражательности автора.

Лермонтовская линия у Сопова видна и в балладе «Легенда об Ингоде», созданной исключительно по романтическим канонам классика: река и утес, их вне-

³ См. об этом подробнее: [Гаспаров, 1993, с. 221–255].

запная страсть (отказ Ингоды от любви тростника – и это опять напоминание об известной ранней балладе Лермонтова, – месяца, берега и леса) и гнев оскорбленной возлюбленной, крушащей утес. Все эти мотивы (вплоть до образной системы) почти прямо скопированы у Лермонтова.

Фантастические сны, сплетенные с правдой, – характерный мотив лирики Сопова. Подобно романтикам, поэт видит мир сквозь таинственную пелену. Эта пелена имеет и литературные корни и в то же время может просто объясняться молодостью автора. Сопов весь остался в своих ранних стихах, и можно лишь предполагать, – кем он стал бы, если бы не погиб в 1919 году.

Поэтическое кредо Сопова:

Я мечтатель, поэт; я всегда в полусне.
Мир волшебного-прекрасных видений
Мне доступен легко и понятен вполне.
Я живу посреди сновидений
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 240]) –

отзывается бальмонтовскими анапестами («Я – изысканность русской медлительной речи» [Бальмонт, 1969, с. 232]), только вместо растянутой женской клаузулы (в «длинных» четырехстопных строфах) и чередующихся с ними «коротких» со сплошными мужскими клаузулами Сопов, как аккуратный ученик, в каждой строфе сменяет мужскую женской. Но выбор позиции «мечтателя» и «фантазера», погруженного в сны, идет вслед за романтиками и символистами. Только если поэты, на которых ориентирован Сопов, смело творят миры и пространства, как, например, тот же Бальмонт («я звучные песни не сам создавал, / Мне забросил их горный обвал... / Воздушные песни с мерцаньем страстей / Я подслушал у звонких дождей... / И я в человеческом – нечеловек, / Я захвачен разливами рек. И, в море стремя полногласность свою, / Я стозвучные песни пою» [Там же, с. 233]), то Сопов пишет о своей погруженности в полусон, закрывающий для него бытие:

Я живу в полусне, правду с ложью смешав.
На несчастья глаза закрывая,
И в восторге шепчу: «Жизнь – легка, хороша...»
Хотя жизни-то я и не знаю.

Я живу лишь в мечтах; я мечтатель, поэт...
Для меня правда только лишь сказка.
Настоящая жизнь – фантастический бред,
А мечты – неизвестность без маски...
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 241]).

Не поэт творит фантастический мир, а этот мир втягивает его в себя, не позволяя увидеть так называемую «жизнь». И эти размышления – тоже аллюзии на бальмонтовское:

Жизнь проходит, – вечен сон.
Хорошо мне, – я влюблен.

Жизнь проходит, – сказка – нет.
Хорошо мне, – я поэт.

Душен мир, – в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо
[Бальмонт, 1969, с. 248].

Для Сопова характерно символистское погружение в мир сна и мечты, из которых нет выхода. И весь мир оказывается погруженным в туманные, странные очертания, знакомые и чуждые, а сам поэт застывает «в зачарованном сне»:

Лодка тихо плывет по теченью,
И блестя, как осколки стекла,
Гаснет красок в воде отраженье,
И сгущается серая мгла...
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 260]).

Пейзажи, описанные Соповым, почти всегда на грани сказки и реальности, колеблющееся пространство романтиков и символистов наполняет его поэтический мир, дает ему жизненные соки и спасает от тревожной действительности, в которой ему тесно и неуютно.

Стихотворение «Любовь» построено по аналогии с «Влагой» Бальмонта: три строфы из четырех строк, тот же «водный» сюжет, достаточно абстрактный, богатым перечислениями и «мелодичными» образами:

Вниз по течению опускается шляпка;
Гладкие волны как беличий мех.
Белая кофточка, темная юбка,
Черные косы, русалочий смех...

... Узенький остров, ракиты седые,
Тающей отмели желтая бровь...
Вот они..! Вот они, сны золотые!
Вот она! Вот она, птица-любовь..!
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 260–261]).

Однако если для Бальмонта суть такого описания – игра аллитерациями и ассонансами, образами и мотивами, рожденными из звука, и фоном для этой игры и становится свидание, оно творится на глазах читателя из мягких переливов «л» («С лодки скользнуло весло. / Ласково млеет прохлада... / Ластятся волны к веслу, / Ластится к влаге *лилея*...») ⁴ [Бальмонт, 1969, с. 216]), то для Сопова это совсем не эпатажный и не сложно сделанный, а просто красивый сюжет, позволяющий открыть в «снах золотых» героиню в лучах заката:

Радость усталая глаз серо-синих.
Ласковый шепот и зарево щек.
Тишь утомленной надводной пустыни,
Огненный запад и темный восток
(цит. по: [Штырбул, 2015, с. 260]).

Устремленность в мир фантазии и сна приводит Сопова к созданию поэтической сказки – к поэме «Сказка прошлого лета». Конечно, жанр поэтической сказки Серебряного века – тема отдельного исследования. И «Фейные сказки» Бальмонта, и блоковские «Бледные сказанья», «Болотные чертенятки», «Сказка о петухе и старушке», «В длинной сказке», «Вспомнил я старую сказку», «Скользкая жаба-змея с мутно-ласковым взглядом...», и балладно-сказочные образы раннего Гумилева («Принцесса», «Влюбленная в дьявола», «Заклинание», «Невеста льва» и др.), безусловно, повлияли на Сопова, который хотя и не ввел фантастические мотивы в свои произведения, но погрузил любовное переживание

⁴ Курсив мой. – Е. К.

в «сказочный» мир – мир, далекий от трагических событий, переживаемых поэтом.

Многие сибирские авторы, хоть и не были в полной мере дилетантами от поэзии, во многом зависели от творчества известных столичных символистов, акмеистов, футуристов. Автор книги «Цветы на свалке» Вл. Пруссак подражал И. Северянину: в этом его уличила «Дина Стож в сборнике “Забытая тетрадь”» [Лекманов, 2014, с. 135]. Поэтическая книга Г. Вяткина включала в себя опыты в символистском духе (от К. Фофанова, С. Надсона и ранних декадентов до Блока); кроме того, мотив сказки, важный для всего творчества Вяткина, играет заметную роль в структуре книги, он повторяется в ряде стихотворений, встречается в заглавиях («Осенняя сказка»), а завершает книгу цикл «Сказки жизни», которые демонстрируют «предсеверянинскую» «триолетную» поэтику, в случае Вяткина восходящую, вероятно, к Фофанову 1880-х годов, к «Триолету» («Царевич пыльный Триолет...»). В. Итин был во многом ориентирован как на творчество Гумилева и Блока, так и на лирику футуристов⁵.

О. А. Лекманов, исследовавший «поэтический фон русского модернизма», разделил «стихотворцев на модернистов и не модернистов» и отобрал «среди не модернистов тех, кто испытал модернистское влияние» [Лекманов, 2014, с. 5]. Созданная ученым классификация представлена в таблице, где наглядно показано влияние Бальмонта, Брюсова, Блока, в меньшей степени – З. Гиппиус, Гумилева, Мережковского, Сологуба и др. известных авторов [Там же, с. 42–43].

Отзвуки Бальмонта и других поэтов – символистов и акмеистов – в творчестве Сопова говорят о классической направленности его лирики, не вполне оригинальной, но вместе с тем органически вписанной в культурную парадигму Серебряного века.

Пространство «Сказки прошлого лета» близко новеллистически-повествовательному миру М. Кузмина, когда каждая часть поэмы является отдельным завершенным стихотворением со своим лирическим сюжетом, но, собранные вместе, все небольшие части создают эффект нового топоса – почти ирреального, созданного любовью героя. Сам заголовок ориентирован на «Любовь этого лета» Кузмина из первой книги поэта «Сети». Это тоже любовная история в стихах, только с более четко и прямолинейно выраженным сюжетом, хотя, подобно Кузмину, Сопов старается сделать разнообразной ритмику и строфику «Сказки».

Время действия обозначено – с 1 мая по 13 июля, а последняя часть (X) явно «осенняя»: здесь под текстом единственный раз не поставлено число. Год не указан, но, если посмотреть на дату завершения поэмы (14 ноября 1917 года), можно условно отнести события к июню 1917 года. Характерно, конечно, что в самое напряженное революционное время в России Сопов пишет исключительно камерное, не омраченное никакими политическими подтекстами произведение.

Первое и составляющее, собственно, первую часть поэмы, четверостишие, – безрифменное, написанное четырехиктным дольником с качающимися ударениями; оно наполнено тоской о прошлом, и это лейтмотив первых трех и начала четвертой части «Сказки».

Вторая часть отзывается, помимо прямой отсылки к Пушкину, на седьмое стихотворение «Любви прошлого лета» Кузмина:

Мне не спится... Ночь ясна.
Душен воздух жаркий.
Льет в окно свой свет луна...

⁵ См. об этом: [Куликова, 2017, с. 63–68].

Думы гонят призрак сна –
Бледный и неяркий...
[Сопов, 1917, с. 4].

В отличие от варьирования пушкинского ритма Соповым (чередование 4- и 3-стопного хорей) и превращения четверостишия в пятистишие (*abaab*), Кузмин создает сложную оригинальную строфическую форму, рифмуя в своих шестистишиях 1-ю и 2-ю, 3-ю и 6-ю, 4-ю и 5-ю строки – соответственно (*abcccb*). Но сюжет заимствован Соповым, скорее, у Пушкина: это бессонница, страдание, одиночество. Кузмин же подменяет разлуку описанием любовного свидания, которое рождено воспоминаниями. Такая подмена подчеркивает глубину переживания и умножает эффект «томления» («дух томится, / Голова моя кружится...»), и в финале – «И один я, все один» [Кузмин, 1990, с. 25]).

Сопову важно показать, как возрождается сердце от несчастной любви к иной жизни. Прежняя любовь в четвертой части «Сказки прошлого лета» Сопова сменяется открытием нового мира, новой встречей:

Повести наивной началась завязка,
Жизнь свела на землю светлую мечту⁶
[Сопов, 1917, с. 9].

Бодрый хорей, использование рифм меняют общее ощущение унылости и страданий, и мы видим, как герой поворачивается к земному миру:

Синяя рубашка, лентой опояска;
Дерзкие замашки, смелые ухватки,
Детская улыбка, серенькие глазки,
И по ветру вьются кудри в беспорядке;
Молодые руки налегли на весла,
Выдались рельефно мускулы под тканью...
И забыл тоску я о далеком прошлом,
И люблюсь этим огненным созданием...
[Там же, с. 9.]

«Молодые руки» и «рельефные мускулы» отчасти способны напомнить картины А. Дейнеки 1930-х годов («Купающиеся девушки», «Физкультурница» и др.), где героини показаны сильными, крепкими, спортивными. Здесь Сопов отступает от мягкой камерности Кузмина и пышных образов Бальмонта, как будто предвидя новый лик героини, который будет позже востребован авангардом советского времени.

Впрочем, в этом же описании нельзя не услышать и Бальмонта: «зеленые глазки» из «Фейных сказок» у Сопова станут «серенькими глазками». Уменьшительно-ласкательная форма усилена эпитетом, а герой на миг обретет счастье: «Я как будто бы встретил снова фею мою» [Там же, с. 6].

Однако мир мечты не позволяет герою полностью погрузиться в страсть: он словно чувствует свою вину за предательство, потому что «Пламенем низменной страсти храм Светлой Грезы сожжен» [Там же, с. 12], и, как в «Стихах о Прекрасной Даме» Блока, «низменная страсть» оценивается отрицательно. Телесное наслаждение трактуется как порок, герой бежит от греха, «вниз из-за облачных высей светлый кумир низведен» [Там же]. Блоковский конфликт между Прекрасной

⁶ Цитаты из «Сказки прошлого лета» здесь и далее даны в современной орфографии и пунктуации.

Светлой Дамой и ее темным измененным обликом полностью описывает сюжет «Сказки прошлого лета». Герой-поэт выбирает сны, отказываясь от любви.

VIII часть («1 июля») – своего рода эпилог поэмы – ретроспективно открывает в ином ракурсе переживание любви. Июнь оказывается самым светлым и счастливым месяцем в жизни героя, который рождается заново. Но уже в IX⁷ и X частях (продолжении эпилога) автор пишет о своем разочаровании в сказках, о мимолетности любви, о разрушенных замках мечты, и его лето переходит в осень:

И опять все в прошлом, и опять все в сказках,
И опять томлюсь я острою тоской...
А в саду все ярче огневые краски,
Все заметней ласки осени сырой
[Сопов, 1917, с. 15].

Творчество Юрия Сопова, безусловно, испытывавшего модернистское влияние, могло бы развиваться в настоящее дарование, если бы нелепая ранняя смерть не постигла поэта. Г. Маслов так видел будущее молодого автора: «Он не прошел строгой школы, в его стихах много недостатков технических и стилистических, но с каждым крупным произведением он далеко уходил вперед, освобождаясь от заметных в его первых стихах слащавости и склонности к повторениям» [Маслов, 1919, с. 2].

Поэтический фон русского модернизма и авангарда, складывающийся из лирики таких сибирских поэтов, как Георгий Маслов, Юрий Сопов, Вивиан Итин, Владимир Пруссак и др., позволяет увидеть картину искусства первой половины XX века шире и глубже.

Изучение лирики малоизвестных авторов, открытие новых имен – одна из важных задач нынешнего литературоведения. Судьбы забытых (во многих случаях – запрещенных в советское время) поэтов предстают сейчас по-новому трагичными и в то же время вдохновляют на дальнейшие поиски и исследования.

Список литературы

- Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.
- Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М.: Высш. шк., 1993. 272 с.
- Зазубрин В.* Сибирская литература 1917–<19>26 г. // Художественная литература в Сибири (1922–1927): Сб. ст. и докл. Новосибирск: Сибирский Союз писателей, 1927. С. 11–16.
- Кузмин М.* Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с.
- Куликова Е. Ю.* Стихотворный сборник Вивиана Итина «Солнце сердца» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 62–70.
- Лапина Л. В.* Всего десять месяцев... (Дополнительные сведения к биографии П. И. Сопова) // Дравертские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта (Омск, 25 ноября 2014 г.) / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. Омск, 2015. С. 189–197.
- Лекманов О. А.* Русская поэзия в 1913 году. М.: Восточная книга, 2014. 176 с.
- Маслов Г.* Юрий Сопов. † 26 августа 1919 // Сибирская речь (Омск). 1919. № 189, 31 (18) авг. С. 2.
- Мартынов Л.* Дар будущему. Стихи и воспоминания. М., 2008. 672 с.

⁷ В поэме ошибочно вместо IX части указана XI, после которой следует X часть.

Русская литература Сибири: сюжеты, мотивы, судьбы

Сопов Ю. Сказка прошлого лета: Стихотворение. Омск: К-во «Арус», 1917. 15 с.

Трушкин В. П. Из пламени и света... Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 368 с.

Урманов К. Наша юность. Страницы воспоминаний // Сибирские огни. 1965. № 2. С. 159–171.

Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 752 с.

Шишкин В. И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф. Омск: Исторический архив Омской области, 2013. С. 161–173.

Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. 284 с.

E. Yu. Kulikova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

kulis@mail.ru

**THE POETICS OF YURY SOPOV
(LYRICS AND «THE TALE OF LAST SUMMER»)**

The article is devoted to the work of Yury Sopot (Petr Ivanovich Sopot) – an Omsk poet who lived an extremely short life (1897–1919) and died during an explosion in the yard of A. V. Kolchak's house. The poet's life ended tragically and did not reveal to the reader his real talents. Sopot wrote a series of poems, a poetic «The tale of Last Summer», and his unfinished fragments of the poem about Arthur Rimbaud were also left. Historians, critics and researchers of Sopot's work have different versions – and about its proximity to the White Guard movement, and about his possible interest to the positions of the Socialist-Revolutionaries, and about the «red» orientation of the poet's ideals, but it is difficult to prove the first, the second, and the third, because Sopot, obviously, was not very interested in the events taking place. And even if in the poet's texts the topical notes slip, there is no straightforwardness and distinctness of the choice: Sopot bothers, worries, hesitates. On the other hand, the main opinion of contemporaries is that the poet was apolitical, and in his work echoes of Russian modernism are heard outside of any public opinions and ideas.

In the work Sopot's literary orientation toward the works of Symbolists and Acmeists (K. Balmont, A. Blok, M. Kuzmin, and early N. Gumilev) is noted, traditional neoromantic images and motifs, which his poems and poem «The Tale of Last Summer» are filled with, are analyzed.

The space of «The Tale of Last Summer» is close to M. Kuzmin's novelistic-narrative world, when each part of the poem is a separate completed poem with its lyrical plot. The echoes of symbolists and acmeists in Sopot's work indicate the classical orientation of his lyrics, it is not uniquely original but at the same time inscribed in the cultural paradigm of the Silver Age.

Yury Sopot's work, certainly experienced modern influences, could develop into a real talent, if the ridiculous early death did not overtake the poet. The poetic background of Russian modernism and the avant-garde, formed from the lyrics of such Siberian poets as Georgy Maslov, Yury Sopot, Vivian Itin, Vladimir Prussak, etc., allows us to see a picture of the art of the first half of the twentieth century wider and deeper. Studying the lyrics of little-known authors, the discovery of new names is one of the important tasks of the current literary criticism. The destinies of the forgotten (many of them – banned in Soviet times) poets appear now in a new tragic way and at the same time inspire further research and exploration.

Keywords: Siberian poetry, romanticism, symbolism, Russian modernism.

References

- Balmont K. D. Stikhotvoreniya [Poetry]. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1969, 712 p. (in Russ.)
- Fet A. A. Stikhotvoreniya i poemu [Poesys and poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1986, 752 p. (in Russ.)
- Gasparov M. L. Russkie stikhi 1890-kh – 1925-go godov v kommentariyakh [Russian poems of the 1890s and 1925s in the comments]. Moscow, Vysshaya shkola, 1993, 272 p. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu. Stikhotvornyy sbornik Viviana Itina «Solntse serdtsa» [Vivian Itin's poem «The Sun of the Heart»]. *Siberian Philological Journal*, 2017, no. 1, p. 62–70. (in Russ.)
- Kuzmin M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1990, 576 p. (in Russ.)
- Lapina L. V. Vsego desyat' mesyatsev... (Dopolnitel'nye svedeniya k biografii P. I. Sopova) [Only ten months... (Additional information to the biography of P. I. Sopov)]. *Dravertovskie chteniya: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 135-letiyu so dnya rozhdeniya P. L. Draverta* [Dravert's readings: materials of the regional scientific-practical conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of P. L. Dravert (Omsk, November 25, 2014)]. Omsk, 2015, p. 189–197.
- Lekmanov O. A. Russkaya poeziya v 1913 godu [Russian poetry in 1913]. Moscow, Vostochnaya kniga, 2014, 176 p. (in Russ.)
- Martynov L. Dar budushchemu. Stikhi i vospominaniya [Gift to the future. Verses and memories]. Moscow, 2008, 672 p. (in Russ.)
- Maslov G. Yuriy Sopov. † 26 avgusta 1919. *Siberian speech* (Omsk), 1919, no. 189, August 31 (18), p. 2. (in Russ.)
- Shishkin V. I. Vzryv v usad'be Verkhovnogo pravatelya 25 avgusta 1919 g. [Explosion in the Manor of the Supreme Ruler on August 25, 1919]. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri* [Civil war in Siberia]. *Proceedings of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference*. Omsk, Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti, 2013, p. 161–173. (in Russ.)
- Shtyrbul A. A. Dozhit' do sentyabrya. Sud'ba poeta Yuriya Sopova: istoriko-literaturnoe issledovanie [Survive until September. The fate of the poet Yuri Sopov: historical and literary study]. Omsk, OmSPU Publ., 2015, 284 p. (in Russ.)
- Sopov Yu. Skazka proshlogo leta: Stikhotvorenie [The tale of Last Summer: A poem]. Omsk, K-vo «Arus», 1917, 15 p. (in Russ.)
- Trushkin V. P. Iz plameni i sveta... [From flame and light...]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, 368 p. (in Russ.)
- Urmanov K. Nasha yunost'. Stranitsy vospominaniy [Our youth. Memories pages]. *Siberian Lights*, 1965, no. 2, p. 159–171. (in Russ.)
- Zazubrin V. Sibirskaya literatura 1917–<19>26 g. *Khudozhestvennaya literatura v Sibiri (1922–1927)* [Fiction in Siberia (1922–1927)]. Collected papers and reports. Novosibirsk, Sibirskiy Soyuz Pisateley, 1927, p. 11–16. (in Russ.)

Elena Yu. Kulikova – Doctor of Philology, the Leading Researcher of Sector of Literary Criticism of Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, kulis@mail.ru)